

ТРАУИНН

НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

ЭГГЕРТССОН

НЕСОВЕРШЕННЫЕ
ИНСТИТУТЫ

ВОЗМОЖНОСТИ
И ГРАНИЦЫ
РЕФОРМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Smolbny
Факультет свободных искусств и наук

Трауинн Эггертссон
Несовершенные
институты. Возможности
и границы реформ
Серия «Новое
экономическое мышление»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66927868

*Несовершенные институты. Возможности и границы реформ: Москва,
Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-93255-623-8*

Аннотация

Развитие новой институциональной экономической теории в конце XX века привело к глубокому изменению наших представлений об организации экономических систем, а также их социальных и политических основ. Книга «Несовершенные институты» исследует последние достижения в этой области знания и продвигает обсуждение вперед на основе предпосылок о неполном знании о социальных системах и их неожиданной динамике, при этом основное внимание уделяется институциональной политике. Для подтверждения теоретической

аргументации применяются эмпирические примеры – от Африки до Исландии.

В «Несовершенных институтах» Трауинн Эггертссон продолжает свою работу по интеграции и развитию научных достижений новой институциональной экономической теории, начатую в получившей широкое признание книге «Экономическое поведение и институты» (1990), которая была переведена на шесть языков, включая русский. В представленной книге Эггертссон анализирует причины, по которым возникают и продолжают существовать институты, создающие относительную экономическую отсталость, а также рассматривает возможности и границы институциональных реформ.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Thráinn Eggertsson	5
Предисловие к русскому изданию	7
Благодарности	11
Предисловие	15
Часть I	28
Глава 1	28
Введение: зависимая переменная	28
Что мы узнаем из теории роста	36
Заключение: теория роста и отставания в росте	60
Глава 2	64
Теории и их сферы компетенции	64
Социальные технологии как барьеры роста	68
Пересмотр ключевых концепций	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Трауинн Эггертссон Несовершенные институты. Возможности и границы реформ

Thráinn Eggertsson

Thráinn Eggertsson

Imperfect Institutions

Possibilities and Limits of Reform

Перевод с английского МАКСИМА МАРКОВА И АЛЕКСАНДРА ЛАЩЕВА под научной редакцией ДАНИЛЫ РАСКОВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»:

Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ), Анашвили В. В. (РАНХиГС), Болдырев И. А. (Университет им. Гумбольдта, Берлин), Заманьи С. (Болонский университет), Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердамского), Кудрин А. Л. (СПбГУ), Макк-

лоски Д. (Университет Иллинойса, Чикаго), Мау В. А. (РАН-ХиГС), Нуреев Р. М. (НИУ ВШЭ), Погребняк А. А. (СПбГУ), Расков Д. Е. (СПбГУ), Широкопад Л. Д. (СПбГУ)

Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform by
Thráinn Eggertsson

Licensed by The University of Michigan Press

Copyright © by the University of Michigan 2005. All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2022

Предисловие к русскому изданию

«Несовершенные институты» расширяют анализ моей предыдущей книги «Экономическое поведение и институты» (также доступной в русском переводе)¹ в двух направлениях – это детальное обсуждение возможностей и ограничений институциональных реформ, а также обзор последних достижений экономической теории институтов. Кроме того, мною вводится концепция социальных технологий, которые дополняют и взаимодействуют с физическими технологиями. Моя покойная подруга и учитель, Элинор Остром, посвятила свою жизнь исследованию управления местными общедоступными ресурсами, которое осуществляется на основе кооперации групп акторов, совместно пользующихся общинными ресурсами, такими как пастбища, системы ирригации или озера. Остром была убеждена, что пользование общедоступными ресурсами представляет собой модель для всего общества. В «Несовершенных институтах» я следую по намеченному Остром пути и представляю конкретные ситуации, заимствованные из экономической истории моей родной страны – Исландии, которые, наряду с другим эмпирическим материалом, на простых примерах иллюстрируют роль институтов.

¹ Рус. пер. см.: Эггертссон 2001. – *Прим. пер.*

В «Несовершенных институтах» я доказываю, что контроль центральных властей над институтами ограничен, или, если выразаться точнее, что правительство обычно не способно радикально воздействовать на социальные результаты в желательном направлении путем изменения институциональных рамок общества. Существует четыре значительных ограничения государственной институциональной политики: а) Децентрализованные социальные нормы являются фундаментальным элементом социальных институтов. Нормы – это медленно изменяющиеся когнитивные поведенческие правила, которые лишь в незначительной степени находятся под контролем правительства; б) Политики и эксперты обладают неполным знанием о социальных технологиях, то есть о том, как разрабатывать такие институты, контрактные соглашения и системы управления, которые соответствовали бы как конкретным новым физическим технологиям, так и преобладающим социальным нормам; в) Подобным образом, ограниченным является также понимание политиками потенциала и эволюции новых физических технологий, особенно так называемых технологий общего назначения. Вдумайтесь, например, как мало мы знаем о вероятном будущем развитии и применении цифровых технологий и биотехнологий; г) Наконец, выбор центрального руководства ограничивается соображениями власти и личного интереса, так как его представители осознают, что существенные институциональные реформы приведут к измене-

нию баланса сил.

Из всего этого следует, что проведение важной институциональной реформы представляет собой тонкое искусство. Институциональная реформа требует смирения, проведения, когда это возможно, множества параллельных экспериментов и постоянного совершенствования новых систем, пока они не начнут хорошо функционировать. Незначительные институциональные изменения осуществляются постоянно, а радикальные институциональные изменения выходят на первый план в двух случаях: а) Когда страна с относительно низким уровнем производительности принимает решение ускорить свое продвижение к мировой границе производственных возможностей; б) Когда весь мир сталкивается с новой технологией общего назначения, в настоящее время это цифровые технологии.

В наиболее радикальных прогнозах на будущие десятилетия утверждается, что цифровизация и новые биотехнологии полностью преобразуют рынок труда, заменив значительную часть рабочей силы умными машинами. В этот раз это не приведет к усилению эксплуатации трудящихся масс – они просто потеряют свое значение. При отсутствии эффективного мирового правительства национальные власти будут не способны затормозить или изменить направление движения новых технологий. Если подобные прогнозы оправдаются, то Вторая машинная эра даст мне по крайней мере время

отдохнуть у бледного огня² с тремя русскими спутниками, которые сопровождают меня всю жизнь, – Владимиром Набоковым, Антоном Чеховым и Дмитрием Шостаковичем, и эта мысль меня успокаивает.

Рейкьявик, апрель 2019

Трацини Эггертссон

² «Бледный огонь» (Pale Fire) – англоязычный роман В. В. Набокова (1962). – *Прим. пер.*

Благодарности

Более двадцати лет я черпал вдохновение и мотивацию в трудах Дагласа Норта, идеи которого всегда на годы опережали мои. Даг – это отважный мыслитель и настоящий друг. Именно ему я посвящаю эту книгу.

«Несовершенные институты» я рассматриваю как продолжение своей предыдущей книги, «Экономическое поведение и институты», целью которой был синтез того вклада, который новый институционализм привнес в экономическую теорию. Теперь я представляю читателю новую книгу, которая посвящена применению концепций нового институционализма в политике и отражает современные разработки в данной области, а также результаты моих собственных размышлений.

При написании этой книги неоценимую помощь мне оказали коллеги, как дома, так и за границей. Я благодарен им всем, но их число настолько велико, что лишь немногие упомянуты ниже. В последние годы значительную часть своего времени я провожу вдали от своих корней в Исландском университете. Первоначально по пути институционализма меня направили мои друзья в Университете Вашингтона в Сент-Луисе. Два года, проведенные вместе с Лин и Винсентом Остром, а также с их командой из рабочей группы по изучению политической теории и анализу политики в Индиан-

ском университете, были незабываемы, как интеллектуально, так и эмоционально. Столь же важны и восхитительны были два года в Гуверовском институте Стэнфордского университета. Среди всех замечательных людей из Стэнфордского университета я в особом интеллектуальном долгу перед Барри Вайнгастом и Авнером Грейфом. Один семестр, проведенный со Стивеном Н. С. Чунгом в Школе экономики и финансов Гонконгского университета, открыл для меня окно на Дальний Восток. Два семестра в Институте исследования экономических систем общества Макса Планка в Йене открыли мне дверь в немецкий институционализм и современную Германию. К сожалению, моя связь с Йенским институтом была прервана из-за безвременной и трагической болезни его директора и уважаемого коллеги, Манфреда Е. Штрайта.

В последнее время я проводил осенний семестр в Исландии, а весенний – в Нью-Йорке, первоначально в качестве стипендиата Олина в Школе права Колумбийского университета. Возможность ближе познакомиться с правовыми аспектами институтов, а также насладиться исключительным интеллектуальным сообществом профессоров и студентов школы права были замечательным опытом. То же самое относится и к контактам с факультетом политической науки. За все это я благодарен Виктору Голдбергу, Ричарду Нельсону и многим другим друзьям из Колумбийского университета. В настоящее время моим «вторым домом» явля-

ется факультет политологии Нью-Йоркского университета, внештатным профессором которого я являюсь, наслаждаясь превосходным интеллектуальным окружением при постоянной поддержке бескорыстных коллег. В особом долгу я перед главой факультета Брюсом Буэно де Мескита.

Исландский университет относится к своему блудному сыну с терпением и великодушием. Мне бы хотелось особенно отметить бывшего президента университета Свеинбьёрна Бьёрнссона, а также бывшего декана Аугуста Эйнарссона. Некоторые из моих коллег в Исландии прочитали отдельные главы рукописи – это Аусгейр Йонссон, Торвальдур Гульфасон и Труггви Тор Хербертссон. Гилфи Зоega прочитал всю рукопись. Я благодарю их за ценные рекомендации. Также я благодарю множество профессоров, аспирантов и участников конференций из разных стран, оказавших мне помощь с этой книгой.

Редактор серии, Тимур Куран, критически пересмотрел практически каждый параграф моего текста, так же как его общую структуру и логику. Данная книга значительно выиграла в результате его предложений. Кроме того, я благодарен за вдумчивые комментарии двум анонимным рецензентам. Сотрудники издательства Мичиганского университета были необыкновенно эффективны, полезны и воодушевляющи. Я благодарен моему собственному первому редактору, Эллен М. Маккарти, а также сменившему ее Рафаэлю Аллену. Марсия Лабренц отвечала за исправление ошибок и

прекрасно справилась со своей работой. Также я благодарен Келли О'Коннор, помощнику редактора, за ее помощь.

Наконец, мне бы хотелось выразить теплую благодарность личным друзьям и членам семьи, поддерживавшим меня самыми разными способами.

Предисловие

Потерянные возможности

В последние два с половиной столетия научная и технологическая революция создала поразительные возможности для всего человечества, но ее выгоды были присвоены, в первую очередь, жителями промышленных стран. Основная часть населения Земли живет в так называемых развивающихся странах, которым достались лишь немногие из этих возможностей; даже в экономически развитых странах существуют отстающие регионы и отрасли. Данная книга посвящена потерянным возможностям, то есть вопросу о том, почему большинство народов не воспользовались всеми преимуществами технологической революции. Я выдвигаю предположение, согласно которому корни этой проблемы находятся в несовершенстве социальных институтов.

Данный труд продолжает и расширяет работу, начатую мной в книге «Экономическое поведение и институты» (Eggertsson 1990; Эггертссон 2001), где осуществлена попытка упорядочить и синтезировать различные теории в области изучения социальных институтов. Это мультидисциплинарное направление исследований, рассматриваемое мною в 1990 году, достигло зрелости в 1980-е годы, и тогда при написании книги я ограничил свой обзор теми кон-

цепциями, которые модифицировали неоклассическую экономику, не затрагивая ее основные методы. Новая институциональная экономическая теория стремится объяснить, как институты координируют поведение, влияют на трансакционные издержки, а также стимулируют или блокируют экономическую деятельность. Моя книга 1990 года представляет собой описание пейзажа новой институциональной теории, так сказать, от равнин до горных вершин, начиная с изучения экономических результатов, которые порождаются разными видами институтов прав собственности; переходя затем к анализу организации обмена, включая контракты, фирмы и рыночные практики; и заканчивая обзором социальных и политических рамок экономической деятельности. Основное внимание было уделено (добровольным и недобровольным) трансакциям и трансакционным издержкам, что оказалось плодотворным методом анализа организаций, как экономической, так и неэкономической активности.

Как представляется, многие люди полагают, что предпосылка или претензия новой институциональной экономической теории заключается в том, что мир всегда эффективен. Данное представление ошибочно, хотя его можно понять, поскольку часть литературы задается следующими вопросами: Различается ли структура эффективной экономической (и социальной) организации в зависимости от вида деятельности или от среды, в которой осуществляется об-

мен? Если такое различие существует, то не возникает ли оно потому, что разные проблемы измерения, мониторинга или принуждения к исполнению требуют разных решений? В таких исследованиях осуществляются попытки проверить логику подхода трансакционных издержек и, например, объяснить различия в структуре фирм и в контрактных соглашениях на конкурентных рынках решением разных трансакционных проблем. В основе подобных работ лежит предпосылка о том, что рыночная конкуренция отбирает эффективные соглашения и структуры, устраняя при этом более затратные. В некоторых исследованиях в качестве эффективного решения трансакционных проблем в мире ограниченного знания и примитивной технологии описываются даже институты племенных обществ. Как предполагается в таких работах, примитивные общества не могли бы справиться с силами природы без эффективной организации.

Механизмы фильтрации социальных соглашений, там, где они существуют, осуществляют отбор только среди доступных (и часто несовершенных) структур, а критерием такого отбора не всегда выступает экономическая эффективность. В тех случаях, когда литература поражена систематической погрешностью на основе эффективности, это отражает не основополагающие методы новой институциональной экономической теории, а тип мышления отдельных ученых. На самом деле подход трансакционных издержек является эффективным способом анализа нерациональных социальных со-

глашений и помогает нам лучше понимать проблемы открытого доступа, порочных режимов регулирования и деструктивных экономических систем.

В тех случаях, когда социальные структуры стабильны, а социальные системы приносят ожидаемые и желаемые результаты, существует относительно низкий спрос на новое знание о глубокой логике и внутренних механизмах таких структур и систем. Власти, как они полагают, знают, как управлять своими системами, и этого достаточно. Всплеск интереса к институциональному анализу в конце 1980-х годов следует понимать в этом контексте. В этот период институты и экономические системы привлекли к себе пристальное внимание. В Европе и Центральной Азии советские государства и их экономики потерпели крах; в развивающемся мире некоторые экономики оказались в глубоком кризисе, тогда как в других возникли экономические чудеса; некоторые индустриальные экономики, похоже, страдали от экономического склероза; возникло новое экологическое движение, возвестившее о катастрофических побочных эффектах индустриализации; и, наконец, развитие компьютерной науки и биотехнологий создало ранее неизвестные проблемы владения и прав собственности.

Новая институциональная экономическая теория немедленно привлекла к себе интерес ученых и реформаторов во всем мире, предложив свежий способ размышления об экономической организации и ее более широком социальном

контексте. Тем не менее, как оказалось, данная область исследований не в полной степени оправдала ожидания реформаторов – или мои собственные. Новая институциональная экономика, описанная в моей книге 1990 года, преимущественно представляет собой статическую теорию, анализирующую логику отдельных институтов и тех социальных результатов, к которым они приводят, но эта теория не дает основы для политических рекомендаций. К подобному заключению приходит и Банерджи в своей работе о «применении экономической теории» (Banerjee 2002). Обсуждая старый вопрос о том, является ли экономическая теория позитивной или нормативной дисциплиной, он утверждает, что каждое ее направление делает свой собственный выбор: «Например, взаимосвязанные подобласти позитивной политической экономии и институционального анализа явным образом сосредоточены на интерпретации мира» (Banerjee 2002, 2). А в примечании он добавляет, «Канонические примеры подобного стиля исследований включают работы Стиглера (Stigler 1986), Олсона (Olson 1965) и Норта (North 1981)» (Banerjee 2002, 2). Таким образом, здесь мы остаемся с интересным вопросом о том, почему новая институциональная экономическая теория не придала большего значения политическому применению своих концепций.

«Несовершенные институты» перерастают «Экономическое поведение и институты» в двух направлениях. Части I и II (исследование конкретной ситуации) посвящены инсти-

туциональному провалу; часть III намечает пути систематических размышлений об институциональной политике. Теперь я кратко обобщу основные особенности моего подхода в этой книге.

Отправной точкой исследования относительной бедности некоторых стран является современная теория экономического роста. За последние пятьдесят лет теория экономического роста прошла через три фазы, на протяжении которых эта теория неизменно подчеркивает, что двигателем устойчивого роста экономики являются технологические изменения. Хотя экономисты предпочитают размышлять о технологиях как об общественных благах, которые неконкурентны в потреблении и, после их изобретения, доступны всем, совершенно очевидно, что развивающиеся страны не применяют современные технологии. Мой подход к решению этой загадки, описанный в главах 1 и 2, заключается в том, чтобы разделить технологии на производственные технологии и социальные технологии. Я доказываю, что подобное различие имеет ключевое значение с аналитической точки зрения, поскольку производственные технологии обладают характеристиками общественных благ, тогда как социальные технологии передаются не так просто. Например, бедной стране гораздо проще эффективно перенять или изобрести заново производственные технологии, применяемые на алюминиевых комбинатах, чем перенять Конституцию США или западное контрактное право. Современные производственные

технологии, однако, не могут быть эффективны, если они не дополнены социальными технологиями минимального качества. Развивая аргументацию в этом направлении, я прихожу к выводу (как это было сделано и другими исследователями) о том, что конечной причиной бедности в развивающихся странах являются не финансовые и инженерные проблемы, а социальные и политические факторы, связанные с несовершенными институтами. Концепция социальной технологии может напомнить некоторым читателям о социальной инженерии и крупномасштабном социальном планировании, но это не входило в мои намерения. Термин *социальные технологии* используется у меня как описание механизма или децентрализованного процесса, в котором социальные институты приводят к определенным социальным результатам (специально этому посвящен третий параграф главы 2). Я доказываю, что несовершенство институтов представляет наиболее существенное объяснение относительной бедности народов.

Таким образом, основное внимание в этой книге сосредоточено на тех институтах, которые приводят к бедности и экономической отсталости. Может показаться, что институциональная патология не входит в число тем, которые имеют большое значение. Однако я убежден, что пристальное исследование институциональных болезней приведет нас к выводам и даст нам знание не только о природе здоровых институтов, но и о возможных способах лечения.

В главах 2 и 3 я модифицирую стандартные методы теории рационального выбора путем включения в них того, что я называю социальными моделями процесса принятия решений. Моя аргументация заключается в том, что как обычные люди, так и политические деятели ведут себя подобно представителям социальных наук, когда пытаются понять социальные структуры и принимать решения в социальном окружении: они стремятся уложить его сложность в простые социальные модели. Те социальные модели, которые специально структурируются для разработки политики (актерами одного или другого типа), я называю политическими моделями. Хотя предполагается, что акторы ведут себя рационально, в терминах своих политических моделей, сложность их выбора зависит от сложности этих моделей. Данный подход не исключает возможности того, что иногда акторы следуют рутинам. Особенно меня интересует идеологический дрейф – связанный с движением социальных моделей отдельных групп в сопоставимых направлениях, например с движением к более религиозному (светскому) государству или к централизации (децентрализации) экономической деятельности.

В главах 4–7 исследуются различные аспекты ловушек бедности и рассматривается научная литература в поисках их объяснения. Ловушки бедности, которые обычно включают политические, экономические и культурные элементы, представляют социальное равновесие на низком уровне технологического развития и дохода. В этих главах обсужда-

ется, например, политическая логика несовершенных экономических институтов; роль неэффективных социальных норм; а также причины, по которым социальные институты могут быть эффективны в обычном статическом состоянии, но при этом обладать неэффективной динамикой, блокирующей структурную реформу. Чтобы дополнить теоретический раздел книги и довести до кульминации обсуждение ловушек бедности, я включил в книгу исследование конкретной ситуации о причинах голода в Исландии. Смертельная ловушка бедности в этой стране включала как внешние, так и внутренние элементы, а мой анализ сосредоточен на загадке пропавшей отрасли – широкомасштабного рыболовства, которое возникло только к концу XIX века.

В части III я обращаюсь к проблеме институциональной политики и ее разработки. Это исследование я начинаю, в поисках ориентиров, с обращения в главе 8 к теории экономической политики, которая возникла после Второй мировой войны, чтобы подкрепить макроэкономическую политику и планирование. В действительности теория экономической политики представляет применение математической теории принятия решений на основе которой формулируются рекомендации для политиков о том, как использовать политические модели для достижения наилучших возможных макроэкономических результатов. Хотя данный подход не связан ни с одной из конкретных экономических теорий, его основатели иллюстрировали свой метод с помощью тра-

диционной кейнсианской макроэкономике, которая была в моде в то время. Я вкратце описываю, как макроэкономика рациональных ожиданий преобразовала наш образ мысли о политике, приписывая политические модели репрезентативным экономическим акторам, а также предполагая, что частные акторы способны оказывать противодействие политике. Я также обсуждаю макроэкономiku ограниченной рациональности, которая исследует то, как различные акторы формируют, уточняют и координируют свои политические модели, что выступает необходимым условием достижения равновесия рациональных ожиданий. Наконец, я формулирую некоторые уроки, которые можно вынести для институциональной политики из более чем полувековых размышлений о макроэкономической политике.

В главе 9 обсуждается, как эндогенная политика ограничивает институциональную реформу, осуществимую практически, и даже ей препятствует, если буквально воспринять логику стандартных теорий рационального выбора. Если социальные структуры известны полностью, то парадокс Бхагвати говорит нам о том, что в ситуации социального равновесия не существует акторов, которые желали бы и были бы способны к реформе социальных институтов (за пределами того, что уже было сделано или запланировано). Ограниченность информации и неполнота политических моделей несколько ослабляют парадокс Бхагвати, создавая возможности для консультирования и убеждения (особенно во вре-

мена повышенной неопределенности), что может привести к пересмотру политики. И все же один из моих главных выводов заключается в том, что экономисты склонны недооценивать значение эндогенной политики и границы реформ.

После обсуждения различных шоков, которые иногда ослабляют ловушки бедности, в главе 10 доказывается, что история страны влияет как на успех реформ, так и на те направления, которые они принимают. В тех случаях, когда экономисты рассматривают экономику изолированно от остального общества, у них иногда возникает искушение утверждать, что страна, такая как, например, Китай, делает ошибку, следуя определенным путем, вместо того, чтобы выбрать некоторую другую стратегию экономических реформ, которая, очевидно, имеет гораздо большую отдачу. Подобная аргументация часто ошибочна, потому что путь реформирования не избирается свободным образом из большого набора альтернатив, но возникает в результате торга и столкновений между социальными группами с конфликтующими интересами. Путь реформирования скользок, распространены развороты, а история отбрасывает длинную тень, воздействуя на то, как страны справляются с институциональными реформами. Для иллюстрации этой точки зрения я использую три конкретных случая: Китай, СССР и Ботсвану.

В главе 11 исследуется вопрос о том, почему трансплантация или иное внедрение новых социальных технологий (например, современного правового кодекса) представляет

собой деликатную задачу с неопределенными результатами. Нам необходимо знать больше о причинах значительных негативных эффектов трансплантации, минимальных уровнях легитимности, необходимых для поддержания экономического роста, а также о наименее затратных стратегиях, которые бедные страны могут принять для достижения требуемого уровня экономического развития. Я доказываю, что провалы новых институтов часто имеют довольно простые причины, в число которых необязательно должен входить непримиримый конфликт между традиционными социальными моделями и современными институтами. Государство может просто слишком мало инвестировать в инфраструктуру и функционирование современных социальных систем, таких как правовые системы. Более того, даже при наличии доброй воли центрального правительства традиционные (часто местные) центры власти могут предпринимать меры для саботажа новых систем, напрямую подрывающих их влияние.

Назовем также другие соображения. Имеющие свидетельства говорят о том, что осуществимый путь к прогрессу, доступное открытие, варьируется в разных странах в зависимости от исторических и политических причин. Не существует единственного метода перехода к современной экономике. Более того, неполнота политических моделей приводит к тому, что политические процессы включают торг в условиях неопределенности, а также обучение, ведущее к последова-

тельному обновлению публичных и частных политических моделей. Мы мало знаем о том, какое направление может принять такая динамика. Часто экономические системы хорошо работают значительный период времени, но в некоторый момент начинают демонстрировать свойства склеротичности и кризисности, при этом представители социальных наук гораздо лучше могут объяснить подобные поворотные пункты *ex post*, чем предсказать их. Наконец, я завершаю эту книгу описанием эмпирического примера, который иллюстрирует тонкое искусство значительной институциональной реформы – попытки исландского правительства, предпринятые в конце XX века для внедрения элементов исключительных прав собственности в двухсотмильной зоне рыболовства этой страны.

Часть I

Несовершенные институты – теория

Глава 1

Несовершенные институты и теория роста в современной экономической теории

Введение: зависимая переменная

В данном исследовании экономический рост является основной зависимой переменной. Тем не менее его изучением дело не заканчивается, так как меня особенно интересуют социальные причины экономических провалов, в частности роль институтов в возникновении таких патологий, как экономическая стагнация и спад. В медицине патология – это дисциплина, которая занимается изучением природы болезней, их причин, процесса протекания, развития и последствий. Однако основной целью научных исследований в об-

ласти патологий является не изучение функциональных проявлений заболеваний самих по себе, а поиск способов лечения и развитие превентивной медицины. Моя мотивация изучения экономического спада схожа: я считаю, что знания об экономическом регрессе улучшат наше понимание экономического прогресса.

Для оценки экономического здоровья нации я использую конвенциональный, хотя и не совершенный, индикатор – национальный доход (или продукт) в расчете на душу населения. Официальные статистические данные о национальном продукте или доходе представляют собой несовершенное решение труднейшей задачи по выражению в одной цифре чистого выпуска всех производителей страны³. Тем не менее данные о национальном доходе, с учетом искажений, вызванных обменными курсами, позволяют нам с приемлемой точностью ранжировать страны в соответствии с уровнем выпуска в расчете на душу населения, а также отслеживать соответствующие изменения во времени. Маловероятно, что будущие продвижения в измерении экономических показателей существенно изменят ранжирование стран по уровню благосостояния или изменят наши представления о социальных причинах относительной экономической отсталости⁴.

³ Любой прогресс, достигнутый в данной сложной области, во многом обязан новаторской работе Саймона Кузнеця. Краткую оценку научного вклада Кузнеця можно найти в работе Фогеля (Fogel 2000).

⁴ Страны, которые временно становились богатыми в результате счастливой случайности, такой как открытие месторождений ценных ресурсов, в моих рас-

В XX столетии распределение национальных экономических показателей, измеренных как средний выпуск в расчете на человека, стало более неравным, чем когда-либо в истории (DeLong 2000, 17–20). Я сосредоточусь на нижней части этого неравного распределения, внутреннее же неравенство я рассмотрю только в его возможной роли независимой переменной уравнения роста, так как экономическое неравенство может быть связано с поведением, препятствующим экономическому росту⁵.

суждениях являются исключениями. Порядок стран также может существенно измениться, если измерять национальный доход в расчете на час рабочего времени, вместо измерения на душу населения, однако маловероятно, что благодаря такому изменению бедные страны переместятся в категорию стран с высоким доходом.

⁵ Исследования, оценивающие мировое распределение дохода при условии, что единицей расчета является отдельный человек, в целом говорят о том, что распределение дохода между странами является большим источником неравенства, чем его распределение внутри стран – что составляет около 70 % вариации (Sala-i-Martin 2002). Рассмотрев период с 1970 по 1998 год, Сала-и-Мартин (Sala-i-Martin 2002) сделал вывод о том, что мир в целом за данный период стал богаче, так как количество людей, имеющих доход, не превышающий нижней границы прожиточного минимума в один (или два) доллара США, резко снизилось. Также за вышеуказанный период в мире не произошло существенного увеличения неравенства (опять же, если единицей расчета является отдельный человек, а не страна в целом). Изменения в уровне неравенства в конце XX века зависели, с одной стороны, от положительной экономической динамики для 1,2 миллиарда жителей Китая и 1 миллиарда жителей Индии. С другой стороны, влияние оказывало снижение благосостояния 700 миллионов жителей африканских стран. К этим выводам следует относиться с осторожностью. Данные о мировом распределении доходов являются неполными и другие методы оценки могут привести к другим результатам. Современные мировые тенденции в области неравенства

Перераспределение внутри страны в пользу бедных безусловно повышает уровень их материального благосостояния, однако устойчивый экономический рост имеет иное значение. Историческое увеличение дохода и выпуска в расчете на душу населения в Соединенных Штатах иллюстрирует подавляющее значение экономического роста по сравнению с перераспределением. Насколько показывают доступные нам данные, накануне Американской революции (1775–1783) валовый внутренний продукт в расчете на душу населения составлял 765 долларов США в ценах 1992 года, однако к 1997 году валовый внутренний продукт в расчете на душу населения (также в ценах 1992 года) повысился, примерно в 35 раз и составлял уже 26 847 долларов США (Hulten 2000, 1). Различного рода ошибки в таких оценках частично нивелируют друг друга, а остаточная систематическая погрешность вряд ли может исказить истинную картину⁶.

являются предметом разногласий. Для изучения другой точки зрения см.: United Nations 1999.

⁶ Защитники окружающей среды (и многие другие) считают, что статистические данные, касающиеся национального продукта, переоценивают экономический рост, так как они игнорируют или недооценивают важные издержки, связанные с охраной окружающей среды, например связанные с истощением природных ресурсов или такими вредными побочными эффектами, как загрязнение окружающей среды. Подобная критика имеет основания, однако игнорирование издержек, связанных с охраной окружающей среды, и соответствующая переоценка чистого выпуска и экономического роста, по крайней мере частично, компенсируется склонностью официальной статистики к серьезной недооценке роста по причине неполной регистрации данных об улучшении качества товаров

В словаре экономической теории рост выпуска (или дохода) в расчете на душу населения известен как интенсивный рост, а рост валового выпуска всей экономики известен как экстенсивный рост. Изначально экстенсивный рост позволил людям размножаться, переселиться из Африки и заселить различные континенты (Roberts 1997, chapter 1). До наступления современной эпохи практически все рабочие во всем мире были, в первую очередь, заняты в сельском хозяйстве и охоте, однако необычайно устойчивый интенсивный рост, который начался около 250 лет назад в Западной Европе, революционно изменил экономические показатели и обыденную жизнь в индустриальных и постиндустриальных экономиках. Экономическая революция подогревалась научно-техническим прогрессом, однако в начале XXI века так называемые развивающиеся страны во многих частях света не смогли существенно модернизировать свои методы производства и поэтому отстали (Jovanovic 2000, 6–7). В 2000 году средний уровень дохода в самых бедных и самых богатых странах мира различался более чем в сто раз⁷.

и услуг (Advisory Commission 1996). Наконец, увеличивая уровень доходов, рост создает общественный спрос на чистую окружающую среду (когда люди сравнительно обеспечены, высока эластичность спроса по доходу на экологически чистые товары). Более того, технический прогресс способствует появлению дешевых субститутов исчезающих ресурсов, внедрению новых и относительно чистых производственных процессов, а также внедрению новых методов измерения вреда, наносимого окружающей среде, и издержек его компенсации.

⁷ Rodrik, Subramanian, and Trebbi 2002, 1. Расчеты основаны на данных Всемирного банка, скорректированных с учетом паритета покупательской способ-

Опыт современного экономического роста дает нам две основные головоломки. Первая связана с феноменом лидеров роста. Почему некоторые страны в определенный момент времени опережают остальные страны мира в развитии и внедрении более совершенных методов производства? Например, во время промышленной революции (1750–1830) Англия была технологическим лидером, а затем упустила это лидерство (Мокуг 1990, главы 5 и 10). Какие факторы определяют время и путь технологических и экономических революций? (Mowery and Nelson 1999, chapter 9) Вторая головоломка связана с удивительным разнообразием среди стран по их способности заимствовать, адаптировать и применять методы производства, которые уже используются в странах – инновационных лидерах. Какие условия и силы не позволяют некоторым странам применять современные методы производства? Данная работа не связана с природой лидерства в экономическом росте, источником новых технологий или стратегиями развивающихся стран (R. R. Nelson 1996). Вместо этого я пытаюсь решить вторую головоломку, связанную с неспособностью к созданию или копированию новых технологий.

В данной главе кратко анализируется эволюция современной теории экономического роста в рамках экономической теории, а также даются объяснения экономической стагна-

ности (ППС) (связанного с искажениями в курсах национальных валют). Самой богатой страной был Люксембург, самой бедной – Сьерра-Леоне.

ции в странах с низким уровнем доходов. В соответствии с разделением труда в экономической теории задачей теории роста является изучение долгосрочного экономического роста, и поэтому она является логической отправной точкой нашего исследования проблем, препятствующих росту. Мы увидим, что теория роста связана с равновесными свойствами успешно растущих экономик и явно не рассматривает роль социальных институтов в обеспечении экономического роста⁸. Однако последняя версия этой теории, так называе-

⁸ Двумя основными разделами (господствующего направления) экономической теории являются макроэкономика, которая фокусируется на краткосрочных колебаниях долгосрочных производственных возможностей экономики, и микроэкономика, которая занимается изучением распределения ресурсов в рыночной системе с гарантированными исключительными правами собственности при заданном уровне производственных технологий. Не связанным экономической теорией читателям может быть интересно узнать, что теория экономического роста – это дочь макроэкономики, оба этих направления проводят анализ на уровне экономики в целом. Экономика развития, которая тесно связана с прикладной микроэкономикой, однако, также имеет дело и с макроэкономическими вопросами, специализируется на экономических проблемах развивающихся стран. Экономика развития придает особое значение таким темам, как структурные преобразования при переходе от аграрной к индустриальной экономике, демографические сдвиги, поведение домашних хозяйств и других экономических агентов в доиндустриальных обществах, а также рассматривает общественные институты и институциональные изменения (Lin and Nugent 1995). По причине того, что экономика развития иногда использует эклектические методы и нарушает риторическую норму господствующего направления экономической теории о том, что обоснованы только аргументы, выраженные в виде (конкретных типов) математических моделей, данная область часто встречается с неприязненным отношением со стороны ортодоксальных экономистов: «Когда-то существовало такое направление, как экономика развития – ветвь экономической теории, которая

мая новая теория роста, или теория эндогенного роста, объясняет неудовлетворительные показатели роста, обращаясь к неопределенным социальным барьерам, которые мешают странам использовать запасы мировых знаний для модернизации методов производства. В данной работе я выделяю две категории прикладных знаний, которые имеют значение для экономического роста, – технологии производства и социальные технологии, и утверждаю, что неспособность и нежелание применять соответствующие социальные технологии являются основными причинами относительной экономической отсталости. Основной организующей темой данного исследования является проблема успешного внедрения новых социальных технологий.

В главе 2 вырисовывается основная аргументация, объясняющая, почему социальные технологии, а не технологии производства, представляют основной барьер для роста. Также в данной главе вводятся ключевые инструменты и концепции, которые я использую для анализа. Мой подход является модифицированной версией новой институциональной экономической теории. Традиционные инструменты экономической теории не подходят для изучения важных аспектов социальных технологий. Я верю, что непоколебимая верность стандартной экономической теории при-

объясняла, почему некоторые страны намного беднее других и указывала пути, пойдя по которым бедные страны могут стать богатыми... Данное направление больше не существует» (Krugman 1995, 6–7; см. также: Hirschman 1981).

вела бы к некорректному выбору переменных и, возможно, заставила бы нас закрыть глаза на важные социальные явления (Stiglitz 1999). В идеале изучение институтов и социальных технологий требует надежной теории социальных систем, которая отсутствует в экономической теории и общественных науках⁹. Результатом этого является мой эклектический подход.

Что мы узнаем из теории роста

Три волны

После своего появления примерно в середине XX века

⁹ Во время получения образования экономистов убеждают, что существует только один правильный способ изучения общества: базовый неоклассический подход с упором на строгое математическое моделирование, равновесный анализ и эксплицитную оптимизацию агентами, имеющими постоянные предпочтения и нейтральные убеждения. За этим скрывается идея общей теории социальных явлений. В данной области хорошего прогресса по направлению к более общей теории добилась физика и физики успешно проводят эмпирические проверки своих теорий. Подобного прогресса в изучении экономических систем достигнуто не было, хотя продвинутая экономическая теория достигла сравнимого с теоретической физикой уровня сложности математических моделей. Возможно, Брайан Лосби (Loasby 1989, 41) прав, когда утверждает, что физики специализировались на изучении проблем, при анализе которых математические аргументы относительно легко сопоставляются с эмпирическими наблюдениями, тогда как экономисты и ученые других общественных наук встречаются с более сложными типами проблем.

современная теория экономического роста прошла три волны развития, каждая из которых была связана с анализом взаимосвязи между физическими объемами затрат и выпуска, а не с социальной средой производителей. Как правило, теория экономического роста выделяет два пути повышения среднего выпуска в расчете на одного работника в стране. Во-первых, если экономика страны находится ниже границ производственных возможностей, которые определены наилучшей из возможных технологий производства, теория роста предполагает, что страна комбинирует имеющиеся ресурсы в неэффективных пропорциях. В таком случае страна может повысить средний уровень выпуска в расчете на одного работника и переместиться к границе производственных возможностей путем изменения пропорций используемых факторов (затрат), что обычно означает повышение значения отношения физического и человеческого капитала к базовому, или неквалифицированному, труду. Во-вторых, когда страна находится на границе своих производственных возможностей, только новые технологии, которые сдвигают саму границу, могут далее повышать выпуск в расчете на душу населения. В теории экономического роста новые технологии являются конечным двигателем роста¹⁰.

На первых двух фазах своего развития эта теория просто предполагала, что новая технология следует временному

¹⁰ Это верно для закрытых экономик. Международная торговля позволяет странам находиться за границами своих производственных возможностей.

тренду, и не пыталась объяснить научно-технический прогресс. На третьей фазе теория *эндогенного* экономического роста не объясняет рост с точки зрения экзогенного научно-технического прогресса и не может хоть в каких-то деталях анализировать, какие социальные обстоятельства поощряют производство и применение знаний¹¹. Теория эндогенного роста, однако, отказалась от традиционного допущения о том, что все страны имеют свободный доступ к новейшим технологиям производства, что подразумевает, что разница в экономических показателях стран всегда вызвана различными пропорциями используемых факторов¹².

В целом теория экономического роста говорит нам, что страны являются относительно бедными по причине того, что не смогли аккумулировать факторы производства, в частности капитал в его разнообразных формах. В качестве исключения более новая теория эндогенного роста считает, что бедные страны каким-то образом не могут использовать мировые знания для модернизации своих производственных мощностей. Рассмотрим теперь эти исследования более подробно.

¹¹ Теория эндогенного роста задает высокие формальные (математические) стандарты моделирования, в результате чего технически сложно ввести в модель социальные институты и сделать это на должном уровне – например, ввести допущение и неполноте знаний (вместо допущения и неполноте информации).

¹² Новая теория роста или теория эндогенного роста также связывает технологические изменения с экономией от масштаба, как мы увидим позднее.

Модель Харрода—Домара создает «эффект колеи»

Современная теория экономического роста появляется в теоретическом мире Джона Мейнарда Кейнса (Keynes 1936), отца современной макроэкономики¹³. Великая депрессия 1929 года и параллельное развитие кейнсианской макроэкономики изменили мировоззрение большинства экономистов и затмили идею о самокорректирующейся рыночной системе. Равновесие при низких уровнях занятости стало возможно эмпирически и теоретически, и вдумчивые люди теперь задаются вопросом, были ли растущие экономики, даже более чем устойчивые, подвержены безработице или перегреву. Евсей Домар (Domar 1946) решил ответить на этот вопрос, и его работа (а также более ранняя работа Роя Харрода: Harrod 1939) указала господствующему направлению теории экономического роста путь, по которому оно, несколько видоизменяясь, следовало на протяжении последней половины столетия¹⁴.

¹³ Хотя я и не рассматриваю в данной работе более ранние теории, представители классической политической экономии, начиная с Адама Смита, были глубоко заинтересованы в исследовании источников экономического роста.

¹⁴ В работе Раттана (Ruttan 1998) можно найти великолепный анализ трех волн теории экономического роста в современной экономической мысли, а также их значения для экономики развития; см. также: Solow 1994; Nelson 1998.

Модель Харрода—Домара возникла в ответ на озабоченность о возможном дисбалансе между ростом в стране производственных мощностей и увеличением совокупного спроса, требуемого для обеспечения роста мощностей. Причиной беспокойства было то, что безработица растет, когда темпы роста мощностей выше темпов роста спроса на продукцию. По причине того, что изначальный анализ не сосредоточивался на источниках экономического роста, в модели Харрода—Домара просто предполагается, что задан некоторый уровень научно-технического прогресса, направленного на сбережение труда¹⁵. В теории также делается критическое допущение, что труд и капитал должны использоваться в неизменных пропорциях, так как данные ресурсы не могут заменять друг друга.

Из строгих допущений модели следует, что в экономике по Харроду—Домару отсутствует внутренний балансирующий механизм, который гарантирует сбалансированный рост. Сбалансированный рост зависит от соотношения между четырьмя переменными: нормы сбережений, s ; коэффициента капиталоемкости, v ; трудосберегающего научно-технического прогресса, a ; и роста населения, n . Все данные переменные определяются за рамками модели, они являются экзогенными. Формально сбалансированный рост требу-

¹⁵ Трудосберегающие технологические изменения снижают количество единиц труда (числа работников, рабочих часов), требуемых для производства единицы выпуска, при неизменном количестве требуемого физического капитала.

ет, чтобы $s/v = n + a$, однако две части данного уравнения могут быть равны только случайно¹⁶.

Проблема балансирования совокупного предложения и совокупного спроса в растущей экономике, конечно, важна, однако не является главной, когда мы пытаемся понять бедность в странах третьего мира. Тем не менее экономисты не теряли времени, применяя модель Харрода—Домара за пределами своей предполагаемой (и в ретроспективе сомнительной) сферы компетенции, чтобы теоретически обосновать взгляд о том, что аккумулирование капитала является ключевым фактором экономического развития. Допущение, что капитал и труд используются в фиксированных пропорциях, как, представляется, имеет смысл для развивающихся стран, в которых происходят структурные изменения, особенно в связке со знаменитой моделью экономического раз-

¹⁶ Максимальный темп экстенсивного экономического роста за определенный период времени не может превышать $(n + a)$, где a – это автономный процесс трудосберегающих технологических изменений, а n – рост населения (или рабочей силы). При неизменном отношении капитала к труду запасы капитала в стране также должны расти темпами равными $(n + a)$, для того чтобы рабочая сила была занята, однако не существует механизма, который гарантировал бы увеличение сбережений или инвестиционной активности в такой степени, чтобы K также рос темпами $(n + a)$. Сбалансированный рост требует, чтобы сумма $(n + a)$ была равна отношению нормы сбережений, s , на неизменный коэффициент капиталоемкости, v ; или $(s/v = n + a)$. В терминологии модели Харрода—Домара экономика страны, в которой темпы экстенсивного экономического роста составляют $(n + a)$, растет естественными темпами, однако, если темпы роста падают ниже уровня $(n + a)$ (по причине низкого уровня сбережений и инвестиций), экономика растет гарантированными темпами.

вития дуалистической экономики с избыточным предложением труда У. А. Льюиса (Lewis 1954, 1955). Объединив эти две концепции, экономисты сделали недостаток сбережений первичной причиной бедности, а предложение сбережений – ключевой переменной политики.

Логика следующая. Развивающиеся страны обычно характеризуются дуалистической экономикой, в которой наряду с современным производственным сектором, с относительно высоким и (практически) фиксированным коэффициентом капиталоемкости, существует и трудоинтенсивный сельскохозяйственный сектор, где предельный продукт труда равен или близок к нулю, что является индикатором скрытой безработицы. В таких ситуациях экономическое развитие предполагает структурную трансформацию, особенно перемещение труда из традиционного сектора в современный (обычно это производственный сектор). Хотя общественная норма прибыли, частично по причине низких предельных альтернативных издержек труда, в производственном секторе высока, он характеризуется очень низким уровнем новых инвестиций и роста выпуска. Причина заключается в том, что в развивающихся странах отсутствуют инвестиционные фонды (внутренние сбережения или иностранные фонды) и труд не может быть заменен на капитал в современном секторе. Тем не менее, если удастся каким-то образом увеличить объем инвестиций, развивающиеся страны с избыточным предложением труда смогут на некоторое вре-

мя достичь очень высоких темпов роста, просто за счет расширения современного сектора и сокращения традиционного. Позднее мы больше поговорим о недостаточности инвестиционных фондов, как главного барьера для экономического роста.

Коэффициент капиталоемкости становится эндогенной переменной

Второй стадией в эволюции теории экономического роста стала неоклассическая теория роста, впервые разработанная в исследованиях Солоу (Solow 1956) и Свона (Swan 1956), которая стала ответом на представление о растущей рыночной экономике в модели Харрода—Домара как по своей сути нестабильной и подверженной перегреву или безработице. Технически очевидным способом избавления от мрачности теории роста Харрода—Домара является превращение хотя бы одной из четырех основных переменных в эндогенную, что даст надежду на то, что уравнение $s/v = n + a$ будет в большинстве случаев иметь решение (Solow 1994, 46)¹⁷. В неоклассической теории роста эндогенной переменной стал коэффициент капиталоемкости, v , а норма сбере-

¹⁷ В 1950-х годах Калдор (Kaldor 1956) и другие экономисты пытались сделать эндогенной переменной норму сбережений, s , однако их идея не стала популярной. Более того, еще до появления модели Солоу—Свона Калдор описал свойства неоклассической теории роста, формально не представляя саму модель.

жений, рост населения и научно-технический прогресс сохранили свои параметры. Эндогенная переменная v подразумевает, что труд и капитал являются субститутами в производстве, а также что безработица перестает быть проблемой. Когда количество рабочей силы в стране растет быстрее, чем запасы капитала, труд замещает капитал, а изменяющийся коэффициент капиталоемкости просто сокращается. Сделав v эндогенной переменной, экономисты ждали около тридцати лет, то есть до 1980-х годов, чтобы снова попытаться фундаментально изменить модель экономического роста, о чем будет рассказано ниже.

Формально модель экономики страны в неоклассической теории роста характеризуется единой производственной функцией¹⁸. Согласно простой производственной функции национальный продукт, Y , зависит от уровня производственной технологии, A , и количества двух факторов производства – капитала, K , и труда, L , что можно записать как $Y = (A, K, L)$. Улучшение производственной технологии – научно-технический прогресс – выражается в увеличении A . Когда страна достигает оптимального соотношения капитала к труду, научно-технический прогресс является единственным источником роста выпуска в расчете на душу населения, однако теория не пытается объяснить, почему изменя-

¹⁸ В рамках неоклассической теории экономического роста были также разработаны многосекторные модели роста с отдельными производственными функциями для разных секторов национальной экономики, которые суммируются для получения совокупной производственной функции.

ется A , – A является экзогенной переменной¹⁹. Более того, теория смело предполагает, что у всех стран есть доступ к современным технологиям, а также все они выполняют идентичные производственные функции.

Отсутствие озабоченности как об истоках, так и о распространении производственных технологий может показаться удивительным, однако, опять же, оно лучше всего объясняется изначальной мотивацией экономистов, развивавших неоклассическую теорию экономического роста. Изначальной целью разработки и использования теории был анализ пути долгосрочного экономического роста в зрелых промышленных экономиках, и неоклассическая теория роста предлагает некоторые поразительные результаты. Теория прогнозирует, что долгосрочный равновесный рост в стране не зависит от нормы сбережений, что все страны достигнут одинакового равновесного роста и что во всех странах в конце концов будет одинаковый выпуск в расчете на душу населения.

Начальные намерения были вскоре забыты, и экономисты в своем стремлении к обобщению некорректно стали применять неоклассическую теорию роста для изучения бедных стран третьего мира, подкрепляя выводы подхода Харрода—Домара о причинах низкого уровня экономического

¹⁹ Неоклассическая теория роста предполагает, что в экономике действует совершенная конкуренция. Хотя различные формы неэффективности присущи всем экономикам, они не включаются в неоклассическую теорию экономического роста.

развития²⁰. Если все страны применяют одинаковую производственную функцию и имеют одинаковое значение A в функции $Y = f(A; K, L)$, разница в выпуске в расчете на человека, Y/L , должна происходить из-за разницы в отношении капитала к труду, K/L , при допущении, что производственная функция характеризуется постоянной отдачей от масштаба²¹. Развивающиеся страны являются бедными, так как в среднем на работников в них приходится относительно небольшое количество капитала.

Первые две волны развития экономической теории роста, как представляется, указали ученым и политикам, что проблема бедных стран состоит в отсутствии в них капитала. Допущение о неизменном (среднем или приростном) коэффициенте капиталоемкости в модели Харрода—Домара, позволило легко рассчитывать, какое количество новых инвестиций требуется, чтобы достичь краткосрочных целей по увеличению национального продукта. Эмпирические оценки среднего значения коэффициента капиталоемкости, а также

²⁰ По мнению Роберта Солоу (Robert Solow 2001, 12), «теория роста была задумана как модель роста промышленной экономики <...> Насколько я помню, я никогда не применял данную модель для развивающейся экономики, так как думал, что базовый механизм будет применяться главным образом к плановым или хорошо развитым рыночным экономикам. Это не вопрос принципа, а просто осмотрительность».

²¹ Постоянная отдача от масштаба означает, что у крупных экономик нет преимуществ перед небольшими или, в технических терминах, что увеличение использования K и L на определенный процент всегда будет приводить к увеличению выпуска на тот же самый процент.

его приращения, легко доступны для большинства стран. Если приращение коэффициента капиталоемкости составляет 4 (обычное значение), то объем новых инвестиций должен быть в четыре раза выше планируемого роста уровня выпуска. Следующим шагом после определения необходимого уровня инвестиций является оценка того, смогут ли внутренние сбережения и самопроизвольные иностранные инвестиции обеспечить требуемое увеличение запасов капитала в стране. Когда расчеты показывали, что существует дефицит и требуется дополнительное финансирование, многие эксперты сделали вывод, что заполнение «дефицита финансирования» за счет помощи из-за рубежа позволит развивающимся странам достичь целей по экономическому росту (Easterly 1999). Такие международные организации, как, например, Всемирный банк, полагались на модель финансирования дефицита как на основной инструмент для связывания целей по росту и иностранной помощи: «Например, сегодня более 90 % экономистов Всемирного банка используют тот или иной вариант модели финансирования дефицита при прогнозировании роста и финансирования дефицита» (Easterly 1999, 424).

В целом до 1990-х годов многие эксперты по развитию, получившие традиционные знания в области экономической теории, разделяли достаточно механистические взгляды на процесс развития и обозначали проблемы бедных стран в терминах аккумуляции капитала и макроэкономиче-

ских отношений, обращая мало внимания на индивидуальные стимулы или общественные институты. Модель финансирования дефицита включает допущения о том, что (а) помощь автоматически переводится в инвестиционные проекты и, (б) в краткосрочном периоде существует постоянная линейная зависимость между ростом и инвестициями. Истерли (Easterly 1999) не нашел ни удовлетворительного теоретического, ни эмпирического подтверждения подходу финансирования дефицита. Сравнив фактические темпы роста в странах, получивших финансовую помощь, с темпами роста, прогнозируемыми моделью финансирования дефицита, Истерли (Easterly 1999, 434–436) показал, что данная модель не смогла спрогнозировать показатели развития этих стран. На самом деле существует небольшая отрицательная зависимость между фактическими и прогнозируемыми результатами²². Замбия является показательным примером некорректности грубого подхода аккумуляции капитала к экономическому развитию. Хотя Замбия с момента получения независимости в 1964 году получила существенную помощь для экономического развития, ее доход на душу населения остался практически неизменным – около 600 долларов США в ценах 1985 года. Дилемма роста страны, безусловно, кроме финансирования, связана и с други-

²² Истерли (Easterly 1999) предполагает, что (а) страны превращают всю получаемую помощь в инвестиции и (б) приращение коэффициента капиталоемкости равно 3,5 (который является срединной точкой обычно цитируемого диапазона) эффективно переводит инвестиции в выпуск.

ми факторами. Расчеты финансирования дефицита, включающие в себя всю помощь, полученную Замбией, показывают, что к 1994 году страна уже должна была достичь дохода на душу населения около 20000 долларов США, в ценах 1985 года²³.

Сильное влияние модели финансирования дефицита иллюстрирует одну из основных идей данной работы: никто – ни ученые в области общественных наук, ни должностные лица, ни общественность – не может осознать всю сложность социальных систем. Вместо этого мы полагаемся на упрощенные образы, как для общего понимания, так и для выстраивания зависимости между средствами и целями. Однозначные результаты проверки теорий в общественных науках достаточно редки по сравнению с результатами проверки многих теорий в естественных науках и люди часто по привычке полагаются на знакомые модели. Также акторы могут придерживаться использования определенных моделей в стратегических целях (возможно, чтобы избежать социальных санкций), и в некоторых случаях социальные модели даже являются существенным источником эмоционального удовлетворения.

²³ Читатель не должен воспринимать результаты данных тестов проваленных программ помощи как обоснование того, что экономический рост в долгосрочном периоде возможен без инвестиций.

Об анализе факторов экономического роста

В 1930-х и 1940-х годах представление о национальной экономике как об огромной фабрике, которая превращает фактор производства в конечную продукцию, а также появление национальной статистики доходов привели к возникновению нового вида деятельности, названного анализом факторов экономического роста: попытки оценить вклад различных факторов производства в экономический рост. В 1950-х и 1960-х годах теория роста, с математической формулировкой и статистическими тестами национальных производственных функций, еще выше подняла престиж и популярность анализа факторов экономического роста среди экономистов²⁴. Простая модель $Y = (A; K, L)$, где национальный продукт зависит только от уровня технологии, A , и двух факторов производства – капитала, K , и труда, L , была изменена, чтобы ввести, помимо прочего, более четкие определения и измерители факторов производства. Все эти

²⁴ «Вполне возможно, что, если бы не статья Солоу 1957 года, в которой четко обоснованы эмпирические расчеты формальной неоклассической теории роста, более вдумчивое и включающее большее количество расчетов эмпирическое исследование Кендрика и Денисона получило бы меньше внимания» (Nelson 1998, 506). В статье 1958 года, исследовавшей теорию роста, Мозес Абрамовиц рассматривает большинство основных идей (помимо многих прочих), которые теоретики неоклассического и эндогенного экономического роста используют в своих моделях (Nelson 1998, 501–3).

изменения, однако, не затронули внутренне заданную систему изменения переменной A . При анализе факторов роста вклад изменений A (технологии) в рост дохода на душу населения не измеряется напрямую. Предполагается, что этот вклад равен необъясняемому остатку после изменения вклада всех остальных факторов производства. Литература в области анализа факторов экономического роста называет это косвенное измерение ростом общей производительности факторов производства²⁵.

Ранние исследования факторов экономического роста, включая работу Солоу (Solow 1957), выявили, что капитал, в узком понимании этого термина (включающий только физический капитал), вносил очень небольшой вклад в экономический рост в рассматриваемые периоды, а необъяснимый остаток присущ практически всему недавнему росту. Однако неоклассическая модель роста Солоу (Solow 1956) не в полной мере является тем, что следует ожидать от исследования факторов экономического роста. В экономике,двигающейся по пути роста в устойчивом состоянии, выпуск на душу населения, трудосберегающий научно-технический прогресс и отношение капитала к труду растут одинаковыми темпами. Напротив, когда экономика постепенно продвигается к оптимальному соотношению капитала и труда, ее путь роста смещается по мере накопления капитала и во время

²⁵ История и оценка концепции общей производительности факторов производства представлена в работе Хультена (Hulten 2000).

таких изменений как капитал, так и выпуск, могут расти более быстрыми темпами, чем уровень технологии или общая производительность факторов производства (Easterly 1999).

В любом случае, очень большой остаток при анализе факторов экономического роста экономисты стали рассматривать как проблему измерения, которая отражает необходимость совершенствования методов научных исследований. Остаток стал известен, как «мера нашего невежества»²⁶. Последующее стремление к снижению остатка привело к расширению понятия капитала, которое теперь включает человеческий капитал, и к исследованиям, показавшим, что инвестиции в образование, навыки и обучение являются важными источниками экономического роста. Международные организации, как, например, Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития, быстро ответили на данные открытия и стали требовать от развивающихся стран предоставления планов в области образования и развития трудовых ресурсов для получения финансовой помощи. Однако в целом история осталась прежней: бедные страны являются бедными, так как испытывают недостаток

²⁶ Анализ факторов экономического роста стал очень сложной деятельностью, включающей продвинутое теоретические и эмпирические исследования. Изучаемые темы включают теоретические обоснования использования совокупных производственных функций, последствия выделения нескольких категорий K и L и применения изменяющихся во времени весов, последствия увеличения отдачи от масштаба, плюсы и минусы использования эконометрических методов анализа факторов экономического роста, а также множество других (Barro 1998; Hulten 2000).

капитала, включающего теперь человеческий капитал.

Третья волна: научно-технический прогресс становится эндогенной переменной

К концу 1960-х годов новые работы, существенно развивающие неоклассическую теорию экономического роста, стали редки, возможно, по причине того, что осталось не так много неисследованного в рамках данной парадигмы. Для экономистов, работающих в области теорий роста на уровне макроэкономики, важной задачей оставалось объяснение одного из экзогенных параметров – научно-технического прогресса, однако другие ученые задавались вопросом о том, являются ли макроэкономические модели с высочайшим уровнем агрегирования подходящими инструментами для исследования условий, стимулирующих инновации (Nelson 1996). Различные исторические события в конце 1970-х и начале 1980-х годов помогли создать спрос на новую теорию экономического роста. Данные события, включали в себя удивительное замедление роста производительности в промышленном мире, чудеса роста в странах Азии, экономические провалы в Африке и признаки экономического краха Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы. Новая теория роста или теория эндогенного роста появилась в середине 1980-х годов (Romer 1986; Lucas 1988) и была подкреплена новыми математическими

методами и последними эмпирическими данными, включающими большое количество информации не только об экономических, но и о социальных и политических переменных (Maddison 1982; Summers and Heston 1988, 1991). Формальные модели строятся строго на традиционных экономических переменных, однако появляющаяся литература в области межстрановой регрессии роста становится менее ограниченной и часто включает политические, социальные и географические переменные даже без неформального систематического теоретического обоснования.

Теория эндогенного роста, или новая теория роста, представляет существенно более разнообразную научную программу, чем неоклассическая теория экономического роста, объединенная обязательством объяснения долгосрочного равновесного роста в рамках формальной экономической модели, которая не полагается на экзогенность научно-технического прогресса²⁷. Изначально экономисты использовали три подхода, чтобы снять с теории роста «смирительную рубашку» допущений о постоянной отдаче от масштаба,

²⁷ Широко использовалась простая модель Солоу, дополненная включением как человеческого, так и физического капитала. Детерминанты уровня дохода в устойчивом состоянии обычно статистически существенны и достаточно предсказуемы, однако регрессии обычно объясняют только небольшую часть вариации. Эмпирические данные не позволяют сделать однозначные выводы о теории эндогенного роста или новой теории роста. По мнению Вачарга (Wacziarg 2002, 911), «Проверка эндогенной теории роста <...> сумбурна», по причине большого количества моделей эндогенного роста, каждая из которых уделяет внимание различным аспектам и позволяет делать прогнозы в соответствии с ними.

экзогенном научно-техническом прогрессе и долгосрочных темпах экономического роста, не зависящих от уровней сбережений и инвестиций²⁸. Рассмотрим хорошо известное первое открытие неоклассической теории роста о том, что (развитые страны) не могут достигать долгосрочного экономического роста повышая отношение капитала к труду, так как возрастание редкости трудовых ресурсов в конце концов приведет к резкому уменьшению отдачи от использования физического капитала. Для противодействия влиянию роста относительной редкости в рамках теории эндогенного роста были разработаны модели, позволяющие странам, даже с постоянным количеством рабочей силы, фактически увеличивать предложение услуг труда посредством инвестиций в человеческий капитал. Модели с таким дополнением показывают, что долгосрочный экономический рост более не является независимым от уровней сбережений и инвестиций, как в неоклассической теории роста, а темпы роста экономики и национального дохода не должны сходиться (Romer 1994).

Во-вторых, в другие модели новой теории роста ввели экономию от масштаба и сделали рост самогенерирующимся. В сравнении с небольшими экономиками крупные рынки способны обеспечить более высокую специализацию и поддерживать производственные единицы более крупного

²⁸ Ссылки и более подробные сведения о происхождении и методах новой теории роста или теории эндогенного роста можно найти в *Journal of Economic Perspectives* за 1994 год.

оптимального размера. Однако теоретический аппарат простой неоклассической модели предполагает наличие совершенной конкуренции, которая требует постоянной отдачи от масштаба, и является ключевым допущением неклассической теории экономического роста. Новая теория роста нашла возможности как для того, чтобы оставить в анализе совершенную конкуренцию, так и для того, чтобы ввести возрастающую отдачу от масштаба. Это было сделано путем допущения, что частные и конкурентные инвестиции в физический и человеческий капитал создают положительные побочные (внешние) эффекты. Другими словами, когда экономические акторы, действующие на конкурентных рынках, инвестируют в человеческий и физический капитал, они повышают не только свою производительность, но и производительность других акторов. Новые знания появляются в результате этих инвестиций, включая знания, которые получают работники при обучении работе с новым оборудованием, свободно распространяются к другим акторам, действующим на том же рынке, и повышают A (общую производительность факторов производства) в совокупной производственной функции. Введение положительных побочных эффектов, однако, делает конкурентные рынки неэффективными. Частные инвестиции находятся на уровнях, не дотягивающихся до оптимального, так как инвесторы не получают полных выгод от своих проектов (Romer 1994).

Что говорят нам эти две группы новой теории роста о про-

блемах отставания в росте? Во-первых, мы снова сталкиваемся со старой историей о том, что страны являются бедными по причине низкого уровня инвестиций, теперь уже как в физический, так и в человеческий капитал, причиной чего может быть низкий уровень сбережений, неспособности государства субсидировать частные инвестиции (включая инвестиции в образование), или отсутствия иностранных инвестиций и финансовой помощи. Во-вторых, тезис о побочных эффектах показывает, что выпуск на душу населения положительно связан с размером рынка. Выгоды от побочных эффектов состоят в том, что потоки к экономическим единицам возрастают с увеличением общего объема инвестиционной активности, а объем инвестиций обычно возрастает с ростом размера рынка. Другими словами, при допущении о закрытости экономики, производственная функция крупных стран сдвигается вверх более высокими темпами, чем производственная функция стран небольших. Однако небольшие страны могут избежать нежелательных эффектов малого масштаба, открыв свои экономики для международной торговли.

В своей третьей, более свободной, модификации теория эндогенного экономического роста частично разрывает взаимосвязь с конкурентными рынками, включая ориентированных на получение прибыли акторов, действующих на рынках с монополистической конкуренцией и создающих новые технологии (Romer 1994). В отличие от неокласси-

ческой теории роста новые технологии более не являются бесплатными благами, они становятся дорогостоящим выпуском фирм, производящих инновации, использующих для этого редкие ресурсы и платящих владельцам факторов производства. Идея о том, что частные фирмы производят инновации, безусловно, имеет эмпирический аналог в виде научно-исследовательских подразделений, которые работают во многих крупных фирмах. Согласно экономической теории у частных фирм отсутствуют стимулы к созданию новых технологий, пока они не имеют какого-либо имущественного контроля над создаваемыми ими знаниями. Фирма, действующая на конкурентных рынках, не будет инвестировать в инновацию, направленную на сокращение затрат, которая автоматически станет доступной ее конкурентам и снизит их издержки. Почему частная фирма должна платить за инновацию, которая снизит кривые издержек всех фирм в отрасли и не сможет улучшить сравнительную позицию инноватора?

Новая теория роста решает эту проблему, предполагая, что фирмы на рынке инноваций в некоторой степени обладают монопольной властью. В первоначальных моделях часто допускалось, что инновационная деятельность связана с инвестициями, которые увеличивают качество или разнообразие промежуточной продукции. Социальная прибыльность этих инвестиций возрастает с размером рынка, так как спрос на качество и разнообразие относительно высок на большом рынке, что снова влечет за собой экономию на масштабе в

совокупной производственной функции и дает преимущество роста крупным странам и странам, открытым к международной торговле. Урок в данном случае состоит в том, что при прочих равных условиях бедность ассоциируется с малыми и изолированными экономиками.

Одновременно с появлением эндогенной теории роста снова возник интерес к межстрановым регрессиям роста, хотя многие исследования в данной области имеют лишь символическую связь с новой теорией роста. В межстрановых регрессиях роста часто используется большое количество экономических, политических и социальных переменных, однако часто это делается только на основе интуиции, догадок и доступности данных. Другие исследования явно базируются на различных направлениях общественных наук, включая неоинституциональную экономику²⁹.

²⁹ В конце 1980-х и начале 1990-х годов волна регрессионных исследований дала косвенное подтверждение новой теории экономического роста, проверяя гипотезу о конвергенции неоклассической теории роста, однако в отличие от неоклассической теории роста новая теория роста не прогнозировала конвергенцию дохода на душу населения. В ретроспективе споры о конвергенции не были продуктивными (Pack 1994; Romer 1994). В последнее время появилось большое количество литературы в области регрессионных исследований, которая изучает источники роста (Barro 1997). Ироничное название работы Сала-и-Мартина (Sala-i-Martin 1997), «Я только что выполнил два миллиона регрессий», отражает исследовательский характер межстрановых регрессионных исследований, которые неформально включают экономические, политические и социальные переменные. Брок и Дурлоф (Brock, Durlauf 2000, 2) выявляют и предлагают решения «некоторых методологических проблем, которые, как мы верим, объясняют распространенное недоверие к регрессиям роста». Клаг с соавторами

Заключение: теория роста и отставания в росте

В своем исследовании 1994 года «Истоки эндогенного роста» Пол Ромер говорит о необходимости такой теории экономического роста, которая выходит за рамки «стандартного неоклассического предписания – больше сбережений и больше обучения» (Romer 1994, 20). Ромер призывал к созданию теории роста, которая исследовала бы такие вопросы, как влияние на экономический рост связей между фирмами и университетами, а также искала бы ответы на такие вопросы, как каковы наилучшие институциональные механизмы для получения доступа к знаниям, уже существующим в остальном мире, для такой развивающейся страны, как, например, Филиппины (Romer 1994, 21). Несмотря на подобные надежды, макроэкономическая теория роста, которой есть что сказать нового и важного о структуре государственного управления и институциональной среде, так и не возникла – возможно, по причине того, что аналитический уровень и методология построения моделей современной теории роста не всегда пригодны для исследования источников экономического роста. Исследователи в области новой теории роста, похоже, предпочитают работать

(Clague et al. 1997) предлагают интересные межстрановые исследования некоторых утверждений неинституциональной экономической теории.

с переменными, которые оказывают быстрое или непосредственное воздействие на рост, а не связываться с основными организационными переменными, оказывающими влияние на производителей, или с анализом воздействия институциональной среды. Фирмы просто характеризовались по типу рынка, на котором они работают, и включение в 1980-х годах неконкурентных рынков в модели роста считалось важнейшим теоретическим прорывом в исследовании экономического роста. Когда представители новой теории роста пытаются объяснить, почему конкретная страна не внедряет новые современные иностранные технологии, они, обычно, фокусируются на переменных, которые хорошо подходят для стиля моделирования теоретиков, как, например, цена капитала, временный дефицит квалифицированной рабочей силы и обучение в процессе работы (Rebelo 1998). Другими словами, при изучении более глубоких источников экономического роста, теоретики господствующего направления кажутся ограниченными своими основными методологическими стандартами (Nelson 1998).

В свои самые амбициозные моменты теоретики эндогенного роста утверждали, что их теория предлагает или скоро предложит объяснения технологического прогресса и диффузии знаний. Ромер (Romer 1994, 12) подчеркивает неоспоримый факт того, что «технологическое развитие исходит от действий людей» и поэтому мы должны быть в состоянии объяснить и спрогнозировать такое поведение.

Хотя Ромер (Romer 1994, 13) и признает, что индивидуальный успех в области научных исследований и развития часто оказывается случайным событием, он тем не менее считает, что «совокупный уровень количества открытий по-прежнему определяется действиями людей». Роберт Солоу (Solow 1994, 47) недавно попытался объяснить логику, лежащую в основе своего первоначального решения при создании неоклассической теории роста, о допущении мгновенной диффузии знаний и необъясненности (экзогенности) научно-технического прогресса³⁰. Защищая свой подход, Солоу усомнился в способности формальных агрегированных моделей роста, построенных в рамках стандартной экономической теории, прогнозировать научно-технический прогресс, хотя технический прогресс «может быть вполне понятен, однако только постфактум и не как неотъемлемая часть самой модели» (Solow 1994, 48). Солоу не отрицает мнения Ромера о том, что люди целенаправленно стремятся к технологическому прогрессу, например путем перераспределения ресурсов в пользу научных исследований и разработок или внедрения патентного права, но он задается вопросом, «можно ли сказать что-нибудь полезное о процессе,

³⁰ На самом деле предпринимались отдельные попытки сделать научно-технический прогресс эндогенной переменной в рамках неоклассической теории экономического роста, однако они не приобрели популярности (Binswanger и Ruttan 1978). Критический обзор таких попыток можно найти в работе Нордхауса (Nordhaus 1973). С появлением новой теории экономического роста эти ранние исследования теперь видятся в благоприятном свете.

что позволит сделать его составной частью агрегированной модели роста» (Solow 1994, 48). Подобным образом Ричард Нельсон (Nelson 1998) утверждает, что новая теория роста касается только непосредственных причин роста. Определение «непосредственные причины роста» было введено в оборот Абрамовицем (Abramovitz 1952). Основной проблемой Нельсон считал то, что взятые на вооружение самими теоретиками эндогенного роста (неоклассические) стандарты построения моделей приведут к появлению новых теорий, которые не смогут включить в себя, и, следовательно, будут игнорировать, важные аспекты неформальных теорий микроуровня, эмпирические работы, касающиеся истоков и передачи технологических знаний, влияние организации бизнеса и систем имущественных прав на стимулы к инновационной деятельности, роль университетов в технологическом прогрессе и национальные инновационные системы.

Глава 2

Барьеры экономического роста: институты и социальные технологии

Теории и их сферы компетенции

Сторонники новой теории экономического роста и другие ученые иногда заявляют, что ими был сделан первый шаг к созданию общей теории экономических систем, однако сколько-нибудь приемлемой общей теории пока не появилось. В отсутствие единой теории экономических систем – теории, которая объясняла бы, как работают различные экономические системы, как они вписываются в более широкую социальную систему и как их внутренняя динамика создает пути развития с течением времени – общественные науки полагаются на специализированные теории. Каждая из таких специализированных теорий имеет свою сферу компетенции, сравнительные преимущества при анализе определенного круга вопросов на определенном аналитическом уровне. Интеллектуальная история теории экономического роста (изложенная в главе 1), так же как и история развития других направлений науки, показывает, что ученые склонны применять свои любимые теории не только в рамках сферы

своей компетенции, но и вне ее. По общему признанию сферы компетенции обнаруживаются методом проб и ошибок при проверке теорий в новых областях, однако на практике ученые иногда ослеплены своими любимыми теориями или действуют в своей собственной системе координат.

Представители общественных наук иногда делают экстравагантные заявления о своих областях исследований, например о том, что (а) их теории и методы имеют универсальное применение, (б) сфера компетенции их теорий включает все вопросы, заслуживающие рассмотрения (примером является экономическая теория) и, в крайнем случае, (в) что именно их способы моделирования проблем являются единственно правильным научным подходом. Другие способы моделирования не должны применяться до того момента, пока ученые не смогут их четко сформулировать соответствующим образом³¹. В конце 1980-х годов, когда в Евразии потерпели крах экономики советского типа, одна или несколько из этих трех точек зрения побудили экономистов, представляющих главенствующее направление экономической теории, поспешить с советами о переходе от социализма к рыночной экономике. Не располагая теорией экономических трансформаций и игнорируя политические и социальные движущие силы, эти эксперты уверенно давали советы о том, как построить рыночную систему, полагаясь на теории, которые изна-

³¹ Лекции Олина Пола Кругмана (Krugman, 1995) посвящены обоснованию третьего пункта.

начально были созданы для анализа рыночного обмена в условиях надежных исключительных имущественных прав и стабильных ожиданий (Stiglitz 1999).

В своем исследовании социальных институтов и функционирования экономики я придерживаюсь многодисциплинарного подхода, связанного с новой институциональной экономической теорией, и ограничиваю себя аргументами, построенными на принятии индивидуальных решений и их последствий (методологический индивидуализм). Полагаясь на экономическую теорию, дополнительно я заимствую теории, взгляды и результаты эмпирических исследований из других областей, например из политологии, социологии, антропологии, истории, права и когнитивистики.

Строгая методология теории рационального выбора, стандарту которого следует экономическая теория, лучше всего работает, когда условия выбора стабильны, структурированы и повторяются – например, когда люди совершают покупки для удовлетворения своих повседневных потребностей (Clark 1998). Однако решения о фундаментальных изменениях или реформах экономических и политических механизмов и систем базируются на более неопределенных основаниях, чем решения домашних хозяйств или обыденные решения бизнеса. Имея дело с социальными системами или физическим миром, акторы обычно не в полной мере понимают соответствующие причинно-следственные связи и мо-

гут даже не знать о всех возможных вариантах выбора³². Мой подход к такой двусмысленности или неопределенности заключается в предположении о том, что акторы в размышлениях полагаются на простые и неполные (ментальные) модели их физической и социальной среды, но затем действуют рационально, с их собственной точки зрения³³. Социаль-

³² В моей (несколько произвольной) терминологии проблема знаний возникает, когда акторы не знают основной структуры вариантов своего выбора или структуры вариантов выбора в соответствующей модели, тогда как проблема наличия информации возникает, когда у акторов нет информации о распределении выбора при известной структуре своих вариантов выбора или вариантов выбора в модели. См.: Nakamura and Steinsson 2003.

³³ Среди множества попыток изменения простого подхода рационального выбора наиболее известной является попытка Герберта Саймона (Simon 1957, 1959). Саймон анализирует выбор с точки зрения психологического принципа *разумной достаточности*, который в своем применении в общественных науках известен как *ограниченная рациональность*. Согласно данному подходу, когнитивные ограничения вынуждают людей следовать стандартным процедурам и лишь постепенно менять свое поведение. Сильная, общепризнанная теория, которая могла бы объяснить и спрогнозировать формирование и изменение стандартных процедур, так и не появилась. Многие исследования в рамках неинституциональной теории не имеют прямого отношения к ограниченной рациональности, однако уделяют особое внимание высоким транзакционным издержкам принятия решений, которые в данных исследованиях считаются ограничениями. Такого рода анализ транзакционных издержек на самом деле является гибридом подхода ограниченной рациональности Саймона и неоклассической экономической теории. Хотя решения агентов часто формулируются с точки зрения (слабой) оптимизации, институты имеют когнитивную роль в координации решений и упрощении выбора (De Alessi 1983). Подход социальных моделей, которому я следую, дополняет подходы ограниченной рациональности/транзакционных издержек и предполагает, что социальные акторы, как, например, ученые в области общественных наук, создают схематические модели своей среды, а затем с помо-

ные модели используются для анализа и оценки социальных структур.

Социальные технологии как барьеры роста

Как мы увидели в главе 1, после окончания Второй мировой войны, в процессе эволюции теории роста была выдвинута одна объединяющая тема: интенсивный экономический рост за последние 200–250 лет лучше всего объясняется открытием и применением новых знаний. Более того, известные теоретики прошлого, начиная с Карла Маркса и заканчивая Йозефом Шумпетером, каждый в своем собственном стиле, считали новые знания двигателем роста, как и современные специалисты в области истории экономики (Мокуг 1990). Что касается возникновения новых революционных технологий производства, то исторические данные показывают, что они появлялись в небольшом количестве стран, причем лидирующая позиция периодически переходила от одной страны к другой (Мокуг 1990)³⁴.

стью этих моделей целенаправленно ищут ответы на интересующие их вопросы. Идея о том, что неполные каузальные теории и мировоззрения формируют политические действия, хорошо известна в политологии, хотя истоки и эволюция таких моделей недостаточно понятны (Goldstein и Keohane 1993).

³⁴ Примерно до 1600 года многие новые технологии возникали в Китае и странах Ближнего Востока. Причины, по которым в этих регионах не произошла промышленная революция, сравнимая с революцией в странах Запада, являются

Обычно экономическая теория классифицирует новые знания как общественное благо. По определению, чистое общественное благо немедленно и свободно становится общедоступным, однако эти (предполагаемые) свойства знаний наталкивают на основную головоломку, которую мы пытаемся разрешить в этом исследовании: какие факторы препятствуют доступу бедных стран к уже имеющимся мировым знаниям, а также модернизации их производственных технологий? Рассмотрим относительно бедную страну j . В данной стране потенциально максимальный выпуск на душу населения, y_j^* , является функцией от текущего состояния мировых знаний, W^* . Это можно записать как $y_j^* = W^*$. Если фактический выпуск страны j составляет только y_j , а $y_j^* > y_j$, то мы явно наблюдаем случай, когда $y_j = f(W_j)$, при $W^* > W_j$. Другими словами, j использует доступные мировые знания лишь частично. Когда $y_j^* > y_j$, нам необходимо больше знать о факторах, определяющих желание и способность страны поглощать, адаптировать и применять соответствующие производственные технологии из общего запаса знаний. Нам необходимо узнать, как определяется W .³⁵

важным вопросом для современного институционального анализа.

³⁵ Данный аргумент включает возможность того, что отдельные граждане бедной страны в целом обладают полными знаниями о современных технологиях, однако различные факторы препятствуют эффективному объединению и применению этих знаний. В дополнение к общеизвестным экономическим, политическим и социальным антистимулам, распределение знаний внутри страны также может быть сдерживающим фактором.

Мой ответ заключается в том, что y_j – выпуск на душу населения в стране j , зависит от способности страны j к внедрению двух дополнительных типов технологий: социальных технологий и производственных технологий. Ниже в данной главе я определю ключевые концепции, использованные в этом исследовании, но сейчас я просто подчеркну, что социальные технологии описывают методы или механизмы, тогда как социальные институты создают модели поведения. Технологии производства описывают методы трансформации факторов производства в выпуск, однако производственные процессы эффективны только при наличии подходящей институциональной структуры. Технологии производства относительно хорошо переходят из страны в страну (как чистое общественное благо), однако задача переноса социальных институтов более сложна (см. главу 11). В рамках экономической теории, теория роста была практически полностью сосредоточена на технологиях производства, за исключением редких упоминаний о социальных технологиях, институтах и организациях, например при введении монополистической конкуренции.

В данном исследовании я утверждаю, что:

1. Социальные и физические технологии дополняют друг друга: для эффективного функционирования технологии производства нуждаются в поддержке соответствующих социальных институтов (или одной из нескольких совмести-

мых институциональных структур).

2. Успешный перенос или внедрение новых социальных технологий является более сложным феноменом, по сравнению с переносом новых технологий производства, так как уже существующие институциональные механизмы часто являются серьезным препятствием. Успешность институциональных реформ зависит от активной поддержки большого количества соответствующих акторов, которой может и не быть. Согласие часто требует предварительного разрешения глубоких политических конфликтов, а также синхронизации индивидуальных социальных моделей.

3. Проблемы в применении новых социальных технологий являются критическим барьером для роста в бедных странах³⁶. Хотя секретность, патенты и другие ограничители могут временно замедлить диффузию производственных технологий, технические проблемы переноса методов производства между странами решаются относительно легко при помощи отечественных и, возможно, иностранных инженеров, технических специалистов и ученых, иностранных консультантов, транснациональных компаний и инвестиций в человеческий капитал.

³⁶ Парент и Прескотт (Parente and Prescott 2000) придерживаются похожего, однако более узкого, взгляда, чем я, на использование новой теории роста для развивающихся стран. Их анализ привязан к традиционным экономическим переменным, как, например, «рыночные несовершенства», и не связан с исследованием основных социальных и политических факторов.

Пересмотр ключевых концепций

Мой анализ воздействия социальных институтов на ловушки бедности основывается на новой институциональной экономической теории и, с некоторыми нюансами, использует ее структуру, концепции и теоретические наработки (Williamson 1985; Libecap 1989; Eggertsson 1990; North 1990; Furubotn and Richter 1997). Ниже приведен краткий обзор ключевых концепций, используемых в данной работе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.